

— Потом мы разругались, решили больше не общаться, — улыбка сошла с лица папы, — и ведь правда, больше не общались.

— Почему? — снова спросил Янь Хан.

— Потому что я женился на твоей маме, — папа тяжело вздохнул. — Лучше бы я этого не делал. Ничего особенного из себя не представляла... Вот взял бы, стиснул зубы и не женился.

Янь Хан смотрел на папину руку, вцепившуюся в стакан: костяшки побелели от напряжения, а вино в стакане подрагивало мелкими кругами — было видно, как сильно у него дрожат руки.

— Хочешь узнать, как умерла твоя мама? — спросил папа.

— Да, — тихо отозвался Янь Хан и внезапно пожалел, что спросил.

— В тот день ты спал очень крепко, и мы решили воспользоваться моментом — сходили перекусить шашлыками. А когда возвращались, — папа повернул голову и посмотрел на него, — прямо на улице кто-то напал на людей, грабил.

У Янь Хана внутри всё оборвалось.

— Мама бросилась туда. Очень решительно. Она всегда была такой, её и ослицей-то не назовешь — ослица и рядом не стояла, — папа начал смеяться, но смех вышел каким-то надрывным. — Я тоже поспешил следом. В таких делах мужчина обязан быть первым.

Янь Хан застыл на стуле, слушая, как папин смех постепенно стихает.

— В меня пырнули ножом, — продолжал папа. — Когда я очнулся, мама лежала рядом. Я схватил её за руку, а она уже была ледяная...

— Убийцу поймали? — с трудом выдавил Янь Хан.

— Нет, — папа посмотрел на него. — Но я запомнил, как он выглядит.

О маме Янь Хан слышал впервые, но для папы эти воспоминания были тяжким грузом вот уже больше десяти лет. Прошло так много времени, что он, похоже, уже не знал, как об этом рассказывать, и просто продолжал пить, пока наконец не уткнулся лицом в стол и не уснул.

Янь Хан сидел рядом, глядя на пустую бутылку перед папой и остатки ужина. Этот «разговор по душам» не продлился и получаса. Но на душе стало пусто. Он знал, что мама умерла, но не ожидал, что всё произошло именно так. Так внезапно, без подготовки, без единого шанса осознать происходящее — словно какой-нибудь прохожий в кино, чьё лицо даже не успеваешь разглядеть, прежде чем он исчезает с экрана.

До обидного нелепая случайность. И спустя десять с лишним лет, если не считать самых близких, вряд ли кто-то ещё помнит об этом деле, которое так и осталось нераскрытым. Если иногда о нём и вспоминают, никто не поймет, что где-то в мире есть человек, который несет эту боль в себе уже больше десяти лет.

Папа рассказал, что после случившегося его забрали Бабушка с Дедушкой, а в четыре года — вернули к отцу.

— Почти силой отвоевал, — сказал папа. — Надо было забрать раньше.

У Янь Хана не осталось об этом воспоминаний: детская память похожа на сновидения, которые могут зафиксироваться в сознании только благодаря подсказкам родителей: «вот ты в таком-то возрасте», «вот когда тебе было три года». Но папа никогда ничего не рассказывал, и у Янь Хана ничего не отложилось. Да и сами те воспоминания не казались ему чем-то светлым. Когда речь заходила о Бабушке и Дедушке, он даже испытывал скрытое отторжение к этим людям, которые растили его целых два года.

Папа спал беспокойно, то и дело открывал глаза, растерянно обводя комнату взглядом, а потом снова проваливался в сон. Янь Хан взял палочки и, продолжая пить, доел остывшую еду.

— Вырастил свинью, — пробормотал папа в забытьи.

— Иди в комнату спать, — сказал Янь Хан. — Неудобно же так лежать.

— Какой у нас Принц хороший, — папа похлопал его по руке. — Такой хороший...

— Раз уж всё так вышло, не стоит теперь лебезить, — усмехнулся Янь Хан.

— Такой хороший, — голос папы стал тише. — А я всё разрушил...

Янь Хан нахмурился, встал, потянул папу за руку, поднимая его, и подхватив под локти, отвел в спальню.

— Спи давай.

— Скажи, я ведь очень эгоистичный? — бормотал папа, ложась на кровать. — Я ведь хотел сказать: «да ну его всё, ради сына...» Но я не смог остановиться. Она была рядом... прямо рядом со мной...

Папа сжал кулаки.

— Её руки были холодные, как лёд... Я виноват перед вами... Всю жизнь жалею. Лучше бы я не знал твою маму, лучше бы мы не поженились. Лучше бы я не слушал тебя, когда ты говорил, что не хочешь идти в школу...

Янь Хан сидел на краю кровати, дожидаясь, пока отец окончательно заснет и перестанет нести этот бред. Только тогда он выключил свет, вернулся в гостиную и перемыл всю посуду. Обычно, когда на душе было паршиво, он откладывал уборку на завтра, но этот ужин оставил такой тяжелый осадок, что хотелось поскорее всё убрать, стереть следы этого неприятного вечера.

Вернувшись в свою комнату после душа, он почувствовал, что его клонит в сон, хотя было гораздо раньше привычного времени. Возможно, сказался алкоголь — они с папой часто выпивали, но так много — почти две бутылки за час — выпили впервые. Голова немного кружилась.

Последним, что он помнил, был экран телефона: он мельком глянул на свежий смайлик в Ленте WeChat у Чу И. Но какой именно это был смайлик, он уже не вспомнил — уснул.

Янь Хан не любил видеть сны. Когда он плохо спал, сны лезли один за другим — какая-то неразбериха, словно нарезка из десятка дешевых мелодрам. Самое ужасное, что после

пробуждения он не мог вспомнить ни кадра. Оставалось только чувство изматывающей усталости, будто он и не спал вовсе.

Но он не мог это контролировать, даже в такую ночь, когда, закрывая глаза, чувствовал, что проваливается в глубокий, почти обморочный сон.

И всё равно ему приснилось.

Женщина и мужчина. Оба словно в сером тумане.

Женщина всё время плакала, хватала его за горло, но он не слышал звука рыданий и не чувствовал удушья... всё-таки это был сон. Но страх был пугающе реальным.

Мужчина говорил: «Я и смотреть на него не хочу», — а потом, повернувшись, впивался в него взглядом: — «Я и видеть тебя не хочу».

Затем картинка сменилась.

«Это вы должны были умереть».

Всё это было какими-то обрывочными, разбитыми кусками. Шатающиеся тени, едва различимые звуки, рвущиеся на ветру, мелькающие сцены из какой-то незавершенной пьесы.

Когда Янь Хан открыл глаза, всё исчезло. Суматоха, окружавшая его за секунду до пробуждения, мгновенно отступила, стоило только осознать реальность.

Так далеко, словно это был сон из далекого детства: цвета потускнели, звуки стихли, ощущения стали мутными.

Янь Хан потер глаза, хмурясь. Взглянул на телефон — проснулся на полчаса раньше обычного. Некоторое время он сидел на кровати, ошеломленный остатками снов, которые почти развеялись, стоило лишь вздохнуть. Наконец он спрыгнул с кровати.

В одних носках он первым делом побежал в комнату отца — вчера они оба не закрыли двери, чтобы слышать, если что-то случится.

В комнате пусто, постель не заправлена. Янь Хан напрягся, развернулся и, направляясь в гостиную, позвал:

— Старик Янь!

— В туалете я! — донесся голос отца.

— Ты что там делаешь? — выдохнул Янь Хан, чувствуя, как отпускает тревога, и зачем-то задал глупый вопрос.

— Станный вопрос. Что, по-твоему, я могу там делать? Завтракать? — отозвался папа. — Тебе правда нужны подробности?

— Что на завтрак? — снова спросил Янь Хан.

— Может, дождешься, пока я выйду? — ответил папа.

— Извини, — улыбнулся Янь Хан и сел на подоконник.

Было ещё рано, за окном весело щебетали птицы на старом дереве. Этот звук в сочетании с прохожими на улице позволил ему наконец расслабиться. Он прислонился к раме, погрузившись в свои мысли.

Сегодня он снова не встретил Чу И по дороге в школу. Видимо, с тех пор как объявился Краб, у того не было возможности ходить этой дорогой — приходилось менять маршрут, чтобы избежать столкновения с ним.

— На музыкальный фестиваль пойдешь? — папа, сам того не заметив, оказался за его спиной.

— А? — Янь Хан обернулся. — Тот самый, про который Чу И говорил, что знает место?

— Ага, — кивнул папа. — Если пойдешь — возьми меня с собой.

— Ты тоже хочешь ввязаться в эту авантюру? — Янь Хан усмехнулся. — Ладно, возьму.

— Мне нужно подобрать одежду в соответствии с темой? — спросил папа.

<http://bllate.org/book/18095/1747632>